

МБУК «Чернавский ПЦКД»
Чернавская сельская библиотека

*Я помню
Павла Шубина
таким...*

Воспоминания о П.Н.Шубине
родственников, друзей, знакомых.

с.Чернава 2014 г.

От составителя

Советский поэт-фронтовик, корреспондент и переводчик П.Н.Шубин является безмерной гордостью его земляков – чернавцев, а потому мы скрупулезно собираем все сведения и материалы об этом, поистине великом человеке. К сожалению, биографические статьи, основанием для написания которых служат общеизвестные факты и само творчество поэта, не дают полноценного представления о Павле Николаевиче, как человеку. И это неудивительно, ведь важным материалом для построения любой биографии являются письма, дневники, воспоминания. Шубин же был скуп на исповеди, не вел дневников, не хранил писем. Следовательно, единственным источником информации о поэте остаются рассказы современников.

Данная брошюра является уникальным изданием, собравшем воспоминания о поэте его родственников, учителей, друзей и знакомых. Сборник поможет каждому открыть для себя Павла Шубина - человека, найти точки соприкосновения и чувство сопричастности с его жизнью.

П.Н.Шубин

Биография П.Н.Шубина со слов сына Александра

Отец родился 14 марта 1914 г в селе Чернава Орловской губернии. Его отец, мой дед, не был крестьянином, а работал на фабрике, считался книгочеем и первым на селе безбожником. Он и приучил своего сына читать книги; особенно тот любил «Жизнь животных» Брема. Мать, Ольга Андриановна, очень любила своего «меньшого» и жила только для детей. Ее влияние на отца моего трудно переоценить.

Вообще, детство его проходило совершенно нормально: были и свои радости, и свои печали. В частности, отец говорил мне, что в тот день,

когда он надел первые штаны, с лялкой через плечо и ужасно этим гордился, он полез на колокольню (что строжайше воспрещалось), был пойман и безо всякой пощады высечен.

Затем отец учился в Орле в школе и фабзавуче. И здесь не обходилось без приключений.

Однажды он с товарищами полез за галчатами в дымоход и застрял там, а затем, спасаясь от школьного сторожа, свалился с крыши прямо перед окном директора, который в то время мирно пил чай. Однако, все обошлось.

Затем отец приехал в Ленинград (было это в 1929 году) и поселился у своей сестры Анны Чиколаевны. Муж ее, Трохор Петрович, устроил его на металлургический завод. В том же 1929 году отец начал писать стихи, а вскоре они вышли в печать.

В 1934 году отец, с путевкой завода, поступает в педагогический институт им. Герцена, заканчивает его в 1938 году и вступает в Союз писателей СССР.

В том же 1938 г. он в Крыму, на отдыхе, знакомится с моей матерью, женится на ней и переезжает жить в Москву. В 1939 году появляется автор этих строк.

До 1941 года выходят книги «Ветер в лицо», «Парус», кроме того много стихотворений печатается в журналах.

Тогда же отец, начинает заниматься и переводами.

Летом 1941 года отец, ушел на войну. Воевал он сначала на Волховском фронте, потом на Карельском. Он был действительно и поэтом, и солдатом. Зимой 1942 года он с корпусом генерала Гусева прошел конным рейдом по немецким тылам, и все время находился на передовой, разя врага и пулей, и пером. В это время возмужал и окреп его талант: он очень много пишет и печатается в фронтовых газетах. Выходят книги «Во имя жизни» и «Люди боя». В 1945 году вышла книжечка «Герои нашего фронта».

Отец был награжден орденами и медалями и закончил войну в звании майора. Песни на его слова пели солдаты Волховского и Карельского фронтов. Он пользовался большой популярностью, как за стихи, так и за храбрость: известно, что он однажды отправился за малиной на минное поле и только чудом не подорвался.

После войны отец продолжает много работать: – выходят его книги «Дороги, годы, города», «Моя звезда», «Солдаты». Одно время он заведует отделом поэзии журнала «Знамя».

В 1947 году отец, женится во второй раз. Все больше и больше времени он отдает переводам и, наконец, почти полностью переключается на них.

По фотографиям трудно составить полное впечатление о его облике. На самом деле он был среднего роста, коренастый, с густой черной шевелюрой, которая в последние годы уже местами поседела, смуглый, с большими серыми глазами. Зимой он ходил в одном пальто, без шарфа и перчаток и до самой смерти отличался завидным здоровьем.

Он очень хорошо читал стихи и обладал феноменальной памятью, был большим эрудитом и любил также шутки и мистификации.

Отец скоропостижно, буквально мгновенно, скончался вечером 10 апреля 1951 года, сидя на скамейке в садике около Центрального универмага. Похоронен он на Введенском кладбище в Москве.

А.П.Шубин

Воспоминания сына Шубина А.П.

<...> После войны отец писал как будто труднее, как "в ересь", впадая в простоту". Видимо, это свойство тех, кто много пережил. <...> Кое-кто из молодых да ранних приносили свои рукописи, и к ним, простите, магарыч. Поэт, не

обижался, разделял трапезу, но в оценках был честен и бескомпромиссен. Душою никогда не кривил. И за это его любили.

К себе был предельно строг. Стихи писал и сам переписывал до той поры, пока они не только по содержанию, но и по форме становились прекрасными. Даже если в стихотворении случалась ошибка грамматическая, он опять задумывался над всем текстом, искал слово, где не дотянул его или вдруг сральшивил в чувстве.

С самого появления на свет отец был очень удачливым человеком. А мой дед хоть и был первым на селе спорщиком по вопросам религии, но настоятель церкви его все равно уважал. Дед

прямо-таки охотился за книгами. Когда раскулачивали чернавских "богачей", умных, работающих людей, то он собирал брошенные на дорогу местными марксистами книги, берег их и читал.

Мама отца, Ольга Андрияновна, была совсем неграмотная, но знала наизусть множество хороших классических стихотворений. Впервые стихи Павел услышал из уст матери своей. Он был в семье восьмой по счету. Писать начал с 1929 года.

Как человек был статен и красив. <...> Одним только появлением на людях смуглый, с выразительными, внимательными глазами, Павел Чиколаевич сразу заставлял на себя посмотреть. А уж собеседника лучше не сыскать. Не балабона, не пустозвона, слушающего только себя, а действительно, умного, без назиданий, спасительного собеседника.

Как-то на фронте Павел собирал в каску малину. Лошадь туда же пошла и подорвалась на mine. Везучий был. А вот строки из воинской характеристики: "Пов. Шубин принимал непосредственное участие во всех боевых операциях фронта: с конным корпусом генерала Гусева прошел по тылам немцев до Любани зимой 1942 года, весной того же года участвовал в боях у Мясного Бора, а осенью – в первой

Синявинской операции... Зимой 1943 года участвовал в прорыве блокады Ленинграда, находясь все время с передовой дивизией генерала Овчинникова, затем в том же году участвовал в боях за Кириши, Мгу... В феврале 1944 года в числе первых вошел в Човгород... Поэт Шубин исключительно добросовестный и талантливый работник, исполнительный и смелый солдат. Военный корреспондент фронтовой газеты майор Шубин был не только свидетелем, но и участником боев в Карелии, в Заполярье, а в 1945 году – на Дальнем Востоке".

Общаясь с Шубиным, каждый человек чувствовал себя намного спокойнее и увереннее, будто за каменной стеной.

Помню, иду я с ним по мостовой, а колесо движущегося самосвала почти достаёт до моего пальтишка. Но я ничего не боюсь. Ведь со мной рядом отец, а с ним я пойду куда угодно... Ничего не страшно.

...В апреле 1951 года отец присел в парке на скамейку и закурил, откинув руку. Кто-то из проходящих попросил у него огонька. Папироса тлела, а он уже умер... В это было невозможно поверить.

Школьных, В. Из воспоминаний сына/В. Школьных
//Сельский Восход. – 1997. - № 22.- стр. 4

**Воспоминания учителя литературы
Никольской средней школы
Григорьевой К. И.**

В 1935-36 гг. мы, учителя Чернавских школ, <...> учились заочно, кто в Орле, кто в Воронеже, кто в Курске.

Летом после сессий все собирались в Чернаву. Приезжали студенты из других городов. Из Ленинграда приезжал Павел Мубин.

Мы быстро находили между собою общий язык: делились впечатлениями от сессий, лекций, экзаменов, рассказывали друг другу о театрах, концертах, музеях, книгах.

Вечерами собирались в клубе, пели, играли, танцевали.

В те годы большой популярностью пользовались спектакли, которые организовывала местная интеллигенция.

Мы тоже принимали в них активное участие. Помню, что пьесу «Власть тьмы» Л.Н.Толстого готовил Павел Мубин и сам участвовал в ней.

После репетиций и танцев всей компанией гуляли по селу. Среди нас были гитаристы, певцы, рассказчики.

Все мы были молодыми, окрыленными, жадно впитывали красоту, чувствовали всякое проявление жизни.

Хорошо памятливы теплые лунные ночи, звуки гитары, чистые, звонкие голоса на крылечках. Любимым местом была речка Чернавки, старый Красный мост. Часто катались на лодках. Павел любил купаться, увлекал других. Декламировать он мог часами стихи Багрицкого, Тихонова, Маяковского. Имел Павел в то время и своих стихотворения, но в компаниях их не читал.

Всегда интересны были его рассказы о Ленинграде, белых ночах, набережных Чевы, памятниках архитектуры, музеях. Часто спорили о любимых книгах и поэтах. Павел был авторитетом в этих вопросах. Во всем его облике чувствовался заряд здоровой активности, богатой духовной культуры.

Воспоминания одноклассницы Бельских Е. И.

Л.Ф.Шубина, известного советского поэта, нашего земляка, я помню по школе. Мне, моим подругам и товарищам выпало счастье учиться с ним в первой начальной Чикольской трудовой школе. Было это давно, в 1919-1924 гг.

Никто тогда из нас, детей, не думал, что он станет видным человеком, известным поэтом.

Помню, что он сидел впереди, на первой парте, т.к. был меньше нас, потому что был моложе всех. Мне кажется, что в школу он пришел, уже умеючи хорошо читать и писать, и прямо во 2 класс. Из нас тогда никто так не читал, как он: очень быстро и четко, совсем, как взрослый человек.

Помню его красивое детское смуглое лицо, с большими круглыми глазами. Лицом своим он скорее был похож на девочку. А по его открытому и светлому взгляду казалось, что все для него ясно и понятно. Был он сообразительнее и умнее нас: умел хорошо и быстро решать задачи.

На раннее развитие Павла Николаевича повлияла семья.

Отец его, Николай Григорьевич, был большой книголюб; в народе о нем говорили, что это здравомыслящий человек.

Сестры поэта уже были учительницами. Старший брат сочинял куплеты.

Надо отметить, что с раннего детства Павел любил книги: он приносил их в класс, читал на переменах и давал нам читать.

Это были былины о русских богатырях, «Хижина дяди Тома» Бичер Стоу, «Аленький цветочек» Аксакова и др., название которых я забыла.

Помню Павла по пионерскому отряду. В то время мы были первыми пионерами в нашем селе. В отряде с нами разучивала пионервожатая П.Ч.Поликарпова (Пустовалова) новые песни, коллективные игры, организовывала походы по окрестностям села.

Павел активно участвовал в жизни отряда, был хорошим товарищем, коллективистом. Во всех мероприятиях отряда принимал участие этот живой, жизнерадостный, ловкий мальчик. Он соревновался с другими пионерами в плавании, беги, прыжках, выступает на сцене в физкультурных пирамидах. Он ловко играет в городки, крокет и др. коллективные игры. Физкультурной работой и соревнованиями в отряде руководил тогда энергичный комсомолец, Малютин Семен Яковлевич.

После окончания школы Павел уехал в Ленинград. Там он работал, учился и стал поэтом. О том, что Павел пишет стихи и уже

печатается, встречается с выдающимися писателями нашего времени, общал чернавской молодежи его старший брат, Андрей Николаевич.

В последний раз я видела Павла до войны, не помню точно, в котором году (1933-34?). Я шла на занятия в школу, он – в центр села. Вместе поднялись на горку. Успели немножко поговорить, ответить на вопрос «где и кем работаешь?», разговора большого не получилось.

Я навсегда запомнила таким, каким встретила в этот раз. На нем была голубая майка, ярко оттенявшая большой загар на его лице, шее, руках. Это был стройный, очень красивый молодой и сильный человек, пышущий здоровьем.

Вот и все, что я помню о нем. В детстве он был наш общий друг, мы его любили и уважали за способности и жизнерадостность. Теперь мы его ценили за высокий талант.

Воспоминания соседки семьи Шубиных Подколзиной А. М.

А.М.Подколзина

Семья Шубиных была большой семьей даже для того времени – одиннадцать детей.

Но выжить удалось только семерым: старшему сыну Андрею, сестрам Анастасии, Клавдии,

Анне, Елене, Софье, да младшему Павлуше.

Семья Шубиных была очень трудолюбивой и дружной. Жили они на берегу реки Чернавки в маленьком домике. Годы тогда были очень трудные, жили Шубины (как, впрочем, большинство семей в то время) бедно.

Мать поэта – Ольгу Андреевну, в селе звали Андриянихой. Ольга Андреевна была очень трудолюбивой женщиной, никогда не знающей усталости. Она была искусной ткачихой, великолепно плела кружева. Она работа беспрестанно, даже в праздники.

Отец Павла - Николай Григорьевич, работал на Чернавской писчебумажной фабрике.

Он был тихим и молчаливым человеком, большим любителем книг. Имел даже свою скромную библиотеку, всегда был интересным собеседником и сведущим во всех житейских делах.

Павел в школу убежал в 6 лет украдкой. Родителям просто пришлось смириться с решением любознательного и развитого не по годам сына. Уже до школы он перечитал множество книг, которые оставили в его детской душе неизгладимый след и во многом определили его жизненные идеалы.

Павел неизменно ходил с книгой в руках. Очень часто видели его на берегу реки Чернавки.

Особенно он мне запомнился в последний свой приезд из Ленинграда. На нем были темные брюки в мелкую клеточку, светло-розовая рубашка с большим отложным воротничком и расстегнутой верхней пуговицей, с книгой в руках.

А.А.Вобликов

Воспоминания писателя Вобликова А. А.

*Вспоминаю свои
встречи с поэтом
Павлом Мубиным...*

*По сути, еще пацаны,
мы «шпионили» за ним во
время его приезда в
Чернаву летом 1935
года. Однажды, в
удивительно тихий*

*звездный вечер, после кино, когда Павел под руку с
красивой и статной девушкой прогуливался по
большаку, мы с приятелем следовали за ними
чуть ли не по пятам. Девушкой той была Лена
Дроздова...*

*Пара была видная! И было нам страшно
любопытно подслушать, как и о чем говорит со
своей спутницей поэт. А поэт, разумеется,
читал свои стихи...*

*После того вечера минуло два года... Конечно,
было скромное, по-деревенски, застолье. И,
понятно, под угощение, под рюмочку - текла, <...>
задушевная беседа. Гостей дорогих, двух Павлов,
слушали с особым вниманием. Расспрашивали о
Ленинграде, о городской жизни. Мубин между тем
все уводил разговор к старине.*

П.Шубин среди чернавцев (справа А.А.Вобликов)

Потом пришло время расставания с Павлом Шубиным надолго - до середины января 1949 года... Павел Шубин с Павлом Чилиным приехали в Свердловск на празднование семидесятилетия Павла Бажова, замечательного писателя, автора знаменитых уральских сказов. А мы, мнившие себя уже без пяти минут журналистами, правдами и неправдами добыли себе приглашение на торжественный вечер юбиляра, проходивший... в свердловском Доме писателя. На том вечере вместе со своим сокурсником Михаилом Чайдичем я и сам представился Павлу Николаевичу и представил Чайдича. Признаться, я побаивался холодного приема, как-никак, официальный представитель Союза Советских писателей СССР... Но он

отнесся со свойственной ему открытостью и вполне дружелюбно. Возможно, что свою роль сыграло и то, что оба мы, Чайнич и я, были еще в гимнастерках, на груди которых были планки военных наград.

- Сегодня я, понимаете, занят <...>. Подходите завтра в гостиницу «Урал», поговорим.

А наутро мы уже в точно назначенное время были в гостинице «Урал». Павел Шубин <...> пригласил нас пойти в ресторан гостиницы. Там без помех и поговорили <...>. Павел Николаевич действительно был прост и сердечен, угощал нас, как хлебосольный хозяин, догадываясь, что студенческая жизнь в те годы для бывших солдат была впроголодь. <...> В завершение нашей беседы, Шубин перевел разговор на Чернаву. Спрашивал о тех, кого знал.

Последняя встреча с Павлом Шубиным не состоялась. В июне 1951 года я был проездом в Москве, ехал из Свердловска домой, на каникулы. Звонил по оставленному мне Павлом Николаевичем телефону к нему на квартиру. Ответил мне печальный женский голос:

- Павел очень болен. Принять не может, просит извинить. - После небольшой паузы - по телефону слышался неясный диалог - снова прозвучал тот же голос (супруга Галина?) - Павел Николаевич просит кланяться всем, кто его помнит и знает.

Полковник К.А.Демин

Воспоминания сослуживца полковника Демина К. А.

<...> Магая неторопливо, с легкой кавалерийской раскачкой, широкоплечий, коренастый, невысокого роста, черноволосый, с большими темными глазами, небольшими

черными усами, он подошел ко мне и, взяв "под козырек", приятным, грудным голосом сказал:

-Давайте знакомиться. Я – Павел Шубин, если хотите – Павел Чиколаевич. Но должности, по штату в редакции - писатель, поэт.

Мне показалось, что Шубина я где-то уже встречал, где-то видел это лицо. И вспомнил: это же лицо М.Ю.Лермонтова. Такое было поразительное портретное сходство. <...>

Павлу Чиколаевичу Шубину в то время было 27 лет и, как я теперь понимаю, он, как поэт, был в самом расцвете своих творческих сил. <...>

Павел Чиколаевич очень быстро и просто сходил с людьми, очень легко к себе располагал,

не кичился ни своим званием, ни известностью, как поэт, не гнушался и не боялся пройти в самый передовой окоп, землянку, проползти туда, если надо, и на «брюхе». <...>

Я уже говорил, что Павел Николаевич обладал даром притяжения. К нему люди тянулись и он очень быстро, естественно, без каких-либо натяжек сходился с солдатами, становился их другом и товарищем. Солдаты и офицеры, после знакомства проникались к нему симпатией, расположением, у них незамедлительно устанавливались доверительные отношения, начинались откровенные, душевные разговоры.

<...> Павел Николаевич Мубин был превосходным, безукоризненным товарищем и другом, верным и постоянным. Про него можно сказать, что для друга он готов и в огонь, и в воду, он отдаст последнюю рубашку и не разделит, а отдаст, уступит последний кусок хлеба товарищу.

Павел Николаевич был человеком доброжелательным, и для него участие в судьбе человека, стремление быть полезным в данный момент, оказать нужную помощь было внутренней потребностью, а не обязанностью.

<...> Вспоминая своего верного, бескорыстного и доброго друга Павла

Фиколаевича Шубина, хочу отметить одну очень интересную и бесподобную особенность – это феноменальную память.

Он способен был быстро и навсегда запомнить очень многое, что не удастся другим. Он мог удержать в своей памяти сложный текст, стихи, документ, подробности увиденной картины (в том числе и живой природы). Это нас, его товарищей, и удивляло, и восхищало. Сколько раз Павел Фиколаевич приводил меня в изумление, извлекая из «своей кладовой памяти» такое, что приводило меня в восторг. Шагая по фронтовым дорогам от Човгорода до Чудова, он мне перечитал буквально целую библиотеку сочинений русских поэтов-классиков, стихов поэтов революции и наших современников.

<...> Вот эта особенность памяти Павла Фиколаевича вероятно и была первопричиной его возвышенного поэтического восприятия мира, жизни. Оно же плодило и его исключительно богатую, иногда просто неукротимую фантазию, когда живая реальность, «земной реализм» переплетался с вымыслом, сказкой, грезами наяву, фантастическим видением, миражем. У меня создавалось иногда такое впечатление, что в выдуманное, нереальное, только что рассказанное мне, Павел Фиколаевич и сам не верит. Что он иногда не мог и сам уже

определить, что выдумка, что реальность, действительность. И это было прекрасно!

<...> После окончания Великой Отечественной войны я оказался на службе в Ленинграде, в штабе Ленинградского Военного округа. Однажды летом 1949 года дверь комнаты, в которой я работал, тихо отворилась и в нее неторопливо вошел человек в штатском. Конечно же, это был Павел Николаевич Шубин, скромный, тихий, но по-прежнему коренастый, широкоплечий, с копной черных волос с пробивающейся сединой <...>

Я был несказанно обрадован появлению Павла <...>. Оба были растроганы до слез. А потом долго-долго говорили, вспоминали проведенные когда-то дни и ночи в болотах под Новгородом и Грузином, под огнем на Синявинских высотах. Договорились встретиться в Москве или снова в Ленинграде.

Однако встретиться еще раз нам было не суждено: <...> я уехал продолжать службу далеко от Родины. А вернувшись на Родину <...> уже не застал в живых Павла Николаевича Шубина. Он ушел из жизни молодым, в самом расцвете своего таланта.

Демин К.А. На четырех фронтах. – Чернава:
МБУК «Чернавский ПЦКД»
Чернавская сельская библиотека, 2014.

Л.А.Озеров

**Воспоминания
современника
писателя
Озерова Л. А.**

<...> В годы после войны я встречался с Павлом Николаевичем Шубиным, с которым познакомился еще в 1939 году. Мы читали друг другу стихи, делились впечатлениями и раздумиями. Павел Шубин гордился подаренной ему Анной Ахматовой книгой с надписью: "Поэту от поэта". Когда начались гонения на Ахматову и на Зощенко, когда ширился круг этих гонимых во всех концах Советского Союза, Павла Шубина одолевало отчаяние, мы шепотом, похожим на стон, говорили на "эти темы", изо всех сил пытаясь защитить лирику, лирику, как единственное прибежище "тайной свободы".

Однажды Шубин поднял над головой свои крепкие кулаки, сжал зубы так, что желваки заиграли и сказал на выдохе:

- Больше не могу терпеть. Все!
Человек задыхался. <...>

В самый тяжелый момент разбушевавшейся ждановщины Павел Николаевич Шубин в конце 1946 года послал Анне Андреевне Ахматовой письмо. Оно, к сожалению, не найдено, но в памяти семьи сохранилась одна фраза из этого письма. Ее запомнили, как стихи:

"Скоро наступит время и несчастная эта страна будет на коленях просить у Вас прощения".

Не все молчали да помалкивали.

Напомню, что Павел Шубин умер в 1952 году, надломленный и унесший в могилу многие свои замыслы.

Озеров Л.А. Дверь в мастерскую. Борис Пастернак.
Анна Ахматова. Николай Заболоцкий. - Париж -
Москва - Нью-Йорк, 1996. - С. 93-161.

Я помню Павла Шубина таким: воспоминания о П.Н.Шубине родственников, друзей, знакомых / Вступ.статья, состав. Л.В.Князева. – 2 изд., испр. и доп. - МБУК «Чернавский ПЦКД» Чернавская сельская библиотека - Чернава, 2014. - 24 с.

